

ПОЛИТИКА И ГЕОПОЛИТИКА

А.Г. Ларин

ИДВ РАН

Усиление Китая и возвышение мировой китайской диаспоры

1

Переход КНР к политике реформ и открытости круто изменил не только сам Китай, но и его огромную диаспору: её численность и географию, масштабы и интенсивность её хозяйственной деятельности, её положение в принимающих обществах, её облик. Усиление Китая повлекло за собой возвышение мировой китайской диаспоры.

Напомним в двух словах, что предшествовало её возвышению. Учёные КНР ведут историю китайской эмиграции с XII в. После опиумных войн она приобрела особый размах, и ко времени провозглашения КНР численность зарубежных китайцев увеличилась с одного до десяти миллионов человек. Вначале это были преимущественно торговцы, затем – рабочие, мигрировавшие главным образом в страны Юго-Восточной Азии, а частью – в США, Европу, Океанию и Африку. Специалисты в КНР с вполне обоснованной гордостью отмечают, что китайцы, составившие вместе с индийцами «азиатский корпус» мировой армии трудовых мигрантов, сыграли большую роль в освоении природных ресурсов, экономическом развитии и борьбе за национальную независимость тех стран, куда они переселились, а также в развитии мировой торговли [17, 18].

После образования КНР миграция из страны фактически прекратилась: в условиях «холодной войны» и острого идеологического противостояния двух мировых систем Китай закрыл свои границы, не прекратилась лишь миграция с Тайваня, из Сянган и Аомэня. В то же время были введены строгие ограничения на иммиграцию соседними с Китаем государствами ЮВА.

© Ларин А.Г., 2014

С началом политики реформ и открытости из Китая пошла новая волна эмиграции, продолжающаяся и сегодня. Она обладает целым рядом особенностей, а именно: вместо необученных рабочих за рубеж стали отправляться образованные люди: коммерсанты, квалифицированные специалисты, средний слой интеллигенции, студенты. Они эмигрировали не ради заработка на пропитание, а в поисках более высокого качества жизни. Обычным явлением сделался выезд целыми семьями. Теперь едут не только из приморских провинций, но и из внутренних районов страны, и не только ханьцы, но и представители национальных меньшинств. С конца 1970-х годов страну покинули, по подсчётам учёных КНР, более 10 млн. человек (в том числе 1,5–1,7 млн. – из Сянгана, Аомэня и с Тайваня), большинство которых (7 млн.) направилось в развитые страны, а приблизительно 3 млн. – в развивающиеся, главным образом в ЮВА [1]. При этом возник феномен вторичной миграции: из развивающихся стран в развитые. Численность мировой китайской диаспоры резко возросла и в настоящее время, по последним оценкам экспертов КНР, составляет около 50 млн. человек – самая большая в мире.

Китайская диаспора считается «четвёртой экономикой мира» после США, КНР и Японии. Суммарный капитал диаспоры в начале XXI века оценивался в 1500 млрд. долл. США [16, р. 2, note 5]. С годами этот капитал возрастает: список транснациональных компаний высшего уровня, принадлежащих эмигрантам – этническим китайцам, в 2008 г. составил 111% по сравнению с 2001 г. [3, с. 7].

2

Наибольшая часть диаспоры – свыше 70% – приходится на страны АСЕАН, и в этих странах участие китайских меньшинств в национальной экономике особенно значительно. Так, в Таиланде, Индонезии, Филиппинах их доля в экономике в 15–20 раз превосходит долю в численности населения. Отдельные отрасли экономики тех или иных стран АСЕАН почти полностью находятся в руках китайской диаспоры. Скажем, в Таиланде на её долю приходится 90% инвестиций в сфере торговли и столько же в промышленности [20, р. 206]. Это позволяет нам говорить далее о возвышении китайской диаспоры на примере стран АСЕАН.

Новые мигранты в странах ЮВА дополнили собой прежде всего ряды разного рода коммерсантов, предпринимателей из сферы услуг. В перечне их занятий значатся также небольшие контингенты инженерно-технических специалистов, наёмных рабочих, сельскохозяйственных рабочих, учителей, творческих работников. Особый отряд мигрантов составляют рабочие и служащие китайских компаний,

осуществляющих за рубежом по контрактам строительные проекты и завозящих для этого рабочую силу из КНР.

В этот же период в результате интенсивной интеграции с Китаем в странах АСЕАН появилась масса импортных товаров из КНР, пришли инвестиции, хотя и не столь большие, возникли новые рабочие места, словом, образовалось новое поле хозяйственной деятельности, первыми претендентами на освоение которого стали местные этнические китайцы и новые мигранты. Их бизнес получил мощный импульс развития.

Другая важная сторона возвышения китайской диаспоры состоит в следующем. Исторически китайское меньшинство в странах Юго-Восточной Азии подвергалось дискриминации и со стороны властей, и со стороны населения. Она проявлялась во всевозможных формах, от законодательных ограничений хозяйственной деятельности до массовых погромов. Истоки дискриминации коренились в успехах китайских мигрантов в конкурентной борьбе, что в свою очередь было обусловлено их коммерческими талантами, соединёнными со сплочённостью китайских общин, пронизанных множеством неформальных деловых, родственных, земляческих и т.п. связей и соединённых подобными связями между собой. Характерно, что некоторые представители китайской общины вошли в списки богатейших предпринимателей, подогревая тем самым синофобские настроения коренного населения.

Усиление Китая, улучшение его отношений со странами ЮВА позитивно сказались на положении китайских меньшинств, которые получили новые возможности развития: в этих странах были отменены или смягчены введённые ранее дискриминационные законы; капитал китайской диаспоры стал рассматриваться как важный ресурс национального строительства; возобновилось запрещённое прежде обучение на китайском языке, особенно востребованном в новых условиях и т.д.

Так в Индонезии, где история отношений китайской общины с местным населением изобилует драматическими сюжетами, правительство уже в 1980 г. узаконило право этнических китайцев на принятие индонезийского гражданства, чем воспользовалось 700 тысяч человек. Была принята политика «культурного плюрализма», введена свобода религиозного вероисповедания, в числе школьных предметов появился китайский язык, а преподаватели китайского стали приезжать из КНР.

Экономика стран ЮВА получила и продолжает получать несомненные выгоды от растущего присутствия китайского труда, капитала и предпринимательского опыта. Деятельность китайского меньшинства способствует увеличению таких базовых показателей, как

ВВП, объём экспорта, средние доходы населения¹. Благодаря своим международным деловым связям китайцы помогли странам ЮВА интегрироваться в глобальный рынок. Не будучи создателями новых современных технологий, они, тем не менее, начали переносить на местную почву уже обкатанные технологии из развитых государств.

Вместе с тем ряд других аспектов деятельности китайской диаспоры воспринимается коренным населением стран-хозяев как ущемление их интересов.

Отчасти в результате успешной конкуренции, а отчасти благодаря освоению свободных ниш в сфере труда китайские мигранты сумели сосредоточиться в наиболее доходных секторах экономики, тогда как на долю коренного населения остались низкопроизводительные и малодоходные отрасли, такие как сельское хозяйство и добывающая промышленность. По мнению некоторых специалистов, обогащение китайской диаспоры в колониальный период в известной мере происходило также за счет её участия в колониальной эксплуатации природных ресурсов и труда местного населения в качестве посредника между колониальными державами и местным рынком². Конкурентные преимущества китайского меньшинства, неравномерность отраслевого разделения труда по этническому признаку сохраняются и сегодня, питая межэтническую напряжённость.

Здесь же стоит отметить, что в перспективе некоторые политологи считают возможным превращение стран АСЕАН в сырьевой придаток Китая (параллели с Россией здесь очевидны) и, как продолжение прошлого и настоящего, неравное распределение грядущих благ, полученных благодаря экономическому росту, между китайским меньшинством и коренным большинством – с тем, однако, отличием от прошлого, что в предполагаемом будущем члены диаспоры будут выполнять компрадорские функции не столько для западных компаний, сколько для компаний КНР [15, р. 256–260]. Нужно признать, что определённые объективные предпосылки для формирования экономической зависимости государств АСЕАН от КНР действительно имеются, они скрываются в структуре торгово-экономического обмена между АСЕАН и КНР, и в неизбежности их всё более тесного экономического сотрудничества.

Другой фактор, провоцирующий антикитайские настроения – перевод накоплений, сделанных китайцами, на их этническую родину – феномен, существующий столько же времени, сколько и сама китайская диаспора. Последние годы вывоз капиталов через китайскую диаспору стал особенно значительным: инвестиции зарубежных китайцев в КНР в два с лишним раза превосходят инвестиции Китая в страны АСЕАН, в то время как китайские инвестиции

составляют менее 5% всех иностранных прямых инвестиций в страны АСЕАН [15, р. 253, 254]. В 2010 г. объём прямых инвестиций зарубежных китайцев – а это в основном инвестиции из ЮВА – в экономику КНР составил 77 млрд. долл. США [6]. И если КНР приветствует и поощряет подобные вливания в свою экономику, то для стран, невольно оказавшихся в роли доноров, это крайне нежелательная утечка национального капитала, созданного на их территории трудом их граждан, и не только китайцев по происхождению. На этой почве возникают даже подозрения относительно политической лояльности местных китайцев.

Дополнительной пищей для антикитайских настроений служит то обстоятельство, что «новые мигранты» – молодые люди, связанные с родиной многочисленными «свежими» связями, отделены от местного общества заметно большей дистанцией, чем мигранты предыдущей волны, и не спешат вписаться в него. Мало того, нередко новые коммерсанты, приехав с целью открыть свой бизнес, пытались отвоевать себе место на рынке с помощью дешёвых товаров китайского производства или завозимой из КНР рабочей силы. Подчас это приводило к вспышкам насилия. Последние годы (правда, вне АСЕАН) имели место такие инциденты, как поджог и разграбление китайских лавок на Соломоновых островах и в Восточном Тиморе, где лиц китайской национальности пришлось эвакуировать из опасных мест. В 2006 г. жители королевства Тонга, возмущённые тем, что китайские предприниматели привезли рабочих из Китая вместо того, чтобы набрать из местного населения, разграбили и сожгли более тридцати магазинов, принадлежащих китайцам [13].

Возникло впечатление, что китайская община как бы повернулась лицом к Китаю, и её критики стали говорить как о нежелательном явлении о её «рекитаизации» или «повторной китаизации» (*чунсинь чжунгохуа*).

Опасения относительно «рекитаизации» усиливаются на фоне постоянного внимания Китая к жизни диаспор (показательно, что во время зарубежных турне лидеры КНР практикуют встречи с представителями местных китайских общин), стремления Пекина всячески укреплять культурные связи с диаспорой, содействовать внутреннему единству китайских общин. Не вызывает восторга у коренных этносов и подход китайских экспертов к диаспоре как к одному из видов «мягкой силы» государства. Тем более, что сами учёные КНР не только призывают зарубежных китайцев, в том числе граждан стран проживания, «добиваться, чтобы новые поколения лучше знали китайскую культуру», но и констатируют, что «их деятельность может в определённой мере увеличить влияние Китая» [4, с. 20].

С начала 1970-х годов китайские предприниматели, стремясь укрепить своё положение в условиях давления со стороны «экономического национализма», стали объединяться в международные организации – земляческие, фамильно-родовые (по одинаковым фамильным иероглифам), а затем и более широкие, по этническому признаку. В 1991 г. была создана качественно новая организация, самая крупная – Всемирный конгресс китайских предпринимателей. Правительство КНР оказывает этим организациям разнообразную поддержку, а власти и деловые круги государств ЮВА относятся к ним негативно. С их точки зрения, деятельность подобных организаций ведёт к обособлению китайских диаспор от экономики стран их проживания, к ослаблению сотрудничества этнических китайцев с другими этносами этих стран. В диаспорах, напротив, международные организации пользуются популярностью, в связи с чем рождаются амбициозные идеи создания «китайской этнической экономики» или «этнического китайского экономического кольца» (включающего в себя также и КНР) – заведомо фантастические, но провоцирующие недоверие к диаспорам.

Прекрасно понимая сложившуюся ситуацию, китайское правительство разработало чёткую политику, призванную минимизировать негативные последствия произошедшего возвышения диаспор. В 1980 г. в КНР был принят «Закон о гражданстве КНР», который декларировал отказ от двойного гражданства и провёл чёткую границу между гражданами КНР и гражданами других государств. Человек, получивший китайское гражданство, лишается иностранного гражданства, а получивший иностранное гражданство – лишается китайского.

Китайское правительство заявило, что оно одобряет и поддерживает добровольное принятие эмигрантами гражданства страны пребывания, выказывая при этом в их адрес ряд требований и пожеланий. В материалах китайской консульской службы подчёркивается: «Добровольно принявший гражданство другой страны является иностранным гражданином, он должен пользоваться всеми правами и исполнять все обязанности гражданина данной страны». Однако, теряя китайское гражданство, эмигрант вместе с тем «сохраняет родственную связь с китайским народом». Если же эмигрант остаётся китайским гражданином, то правительство Китая обязывает его «соблюдать законы и обычаи страны проживания, жить в дружбе с местным населением, вносить вклад в развитие экономики страны проживания». Он должен также «беречь природу, не ущемлять интересы людей других национальностей». Нужно шире смотреть на жизнь, не замыкаться в китайских кварталах, не отгораживаться от

общества, в котором они находятся, а наоборот, приобщаться к его жизни, углублять взаимопонимание сторон [5].

Втягивая в свою экономику в массовых масштабах капитал зарубежных китайцев, подняв на небывалую высоту торговое и инвестиционное сотрудничество с Тайванем, вернув Сянган, слившийся в единое экономическое целое с прилегающими районами провинции Гуандун, Пекин подчёркнуто игнорирует разговоры о «Большом Китае», ассоциируемом в международном общественном мнении с вовлечением диаспоры в экономику и политику КНР. Благодаря этому апожаме вокруг идеи «Большого Китая», возникший было в первой половине 90-х гг., затем сам собой сошёл на нет.

И ещё один важный момент. Китайские специалисты видят принципиальную возможность если не снять, то по крайней мере смягчить накапливающиеся противоречия в том, чтобы постепенно сплавить этносы, составляющие то или иное государство в ЮВА, в единую нацию. Это долгий и сложный процесс, но, как пишет профессор Пекинского университета Лян Инмин, «всё больше этнических китайцев, ставших гражданами стран проживания, осознают, что их единственный путь – это интегрироваться в принявшее их общество, пустить в нём корни. Будучи этническим меньшинством, они должны усвоить культуру большинства, сохранив при этом и свою собственную. Только твёрдо стоя на земле своих стран, внося вклад прежде всего в их развитие, китайцы могут обрести признание обществ данных стран» [4, с. 23]. Зарубежные китайцы не должны кичиться своим богатством, своими связями с высокопоставленными официальными лицами КНР. Им не следует обращаться к китайскому национализму в ответ на проявления местного национализма.

Активная политика руководства КНР позволяет снизить напряжённость вокруг китайских диаспор в ЮВА, создать более благоприятные условия для их развития. По всей видимости, их дальнейшее возвышение будет означать увеличение доли диаспорального капитала в общем объёме национального бизнеса, более активное участие этнических китайцев в политической жизни стран проживания. В свою очередь, логично ожидать, что такое укрепление позиций диаспоры приведёт к расширению сферы её конкуренции с бизнесом из её окружения и к увеличению объёмов экспортируемого в КНР капитала. Произойдет ли дальнейшее ослабление дискриминационного отношения к этническим китайцам, сказать сегодня трудно.

Тем не менее, фундаментальный вывод состоит в том, что для стран ЮВА выигрыш от возвышения китайской диаспоры в конечном итоге существенно перевешивает потери, о которых говорится выше.

Процесс количественного роста и качественного подъёма китайской диаспоры прослеживается и в развитых странах. Для них наиболее показательным примером служат США, чья китайская община насчитывает 3,8 млн. человек и является крупнейшей среди развитых стран и четвёртой по численности в мире после Таиланда, Индонезии и Малайзии.

На современном этапе развития китайская диаспора в США отличается высоким образовательным и материальным уровнем: китайцы являются самыми образованными среди всех этнических меньшинств в США и имеют наивысшие доходы. Они обладают также непропорционально большим количеством дипломов о высшем образовании, учёных степеней и наград за достижения в учёбе.

Хотя значительная часть общины, как и прежде, до появления «новых мигрантов», занята в мелком и среднем бизнесе в традиционных отраслях экономики, ныне более 50% её экономически активной части – квалифицированные профессионалы, работающие в индустрии высоких технологий, в исследовательских центрах, в системе образования, в медицине, банковской сфере, юриспруденции [22, р. 302]. Многие китайцы трудятся в научных кластерах, прежде всего в Силиконовой долине, где составляют примерно 10% всех занятых. Они зарекомендовали себя успешными создателями новых компаний (стартапов), особенно в области информационных технологий. Работая в качестве предпринимателей, исследователей, инженерно-технического персонала, менеджеров, они вносят существенный вклад и в разработку, и в производство инновационной продукции.

Работая в фирмах, экспортирующих в Китай современные технологии, представители китайской диаспоры способствуют развитию американо-китайского экономического и научно-технического сотрудничества. В ряде случаев для этого создаются компании в США с отделениями в материковом Китае или на Тайване.

Среди новых мигрантов особое место занимает молодёжь, приезжающая на учёбу или (если это молодые учёные) на стажировку в американские университеты. Большинство иностранных студентов в США (194 тыс., или 25% в 2011/2012 учебном году) – приезжие из КНР [19]. По окончании учёбы часть их оседает в США, пополняя собой ряды «белых воротничков». Доля остающихся со временем сокращается, особенно заметно – в последние кризисные годы, когда она уменьшилась до 40%. Однако это – наиболее талантливый, элитный контингент. Те же, кто возвращается в Китай, представляют собой кадровый резерв для работы в системе двусторонних деловых и

даже политических связей³. Поэтому американские образовательные ведомства и бизнес чрезвычайно заинтересованы в «притоке мозгов» из КНР и прилагают серьёзные усилия, чтобы привлечь в страну китайских студентов, предоставляя им льготы и оказывая материальную помощь, в том числе через международные организации.

В миграционном потоке из Китая обращает на себя внимание растущая инвестиционная иммиграция, порожденная недовольством состоятельных граждан КНР ухудшением экологической обстановки в стране, коррупцией, ограничениями на количество детей, идеологическим контролем и т.д. Для привлечения инвестиционных мигрантов в США существует специальная программа EB-5, согласно которой иностранцы, вложившие в экономику страны не менее 500 тыс. долларов, получают «грин-карту» и право на постоянное проживание. Среди обладателей этой карты, китайцы занимают первое место, и их количество неуклонно растёт (в 2011 г. – 87 тыс. человек [12]). Согласно некоторым опросам, 50–60% китайцев, владеющих состоянием в 10 млн. юаней (1,6 млн. долл.), хотели бы уехать в какую-либо из развитых стран, большинство – в США [21].

Китайская диаспора гармонично интегрирована в американское общество, дискриминационное законодательство ушло в прошлое, антикитайские настроения слабы и проявляются лишь на бытовом уровне в виде «стеклянного потолка», нередко препятствующего служебному росту работников китайского происхождения.

В других развитых странах китайские диаспоры значительно меньше, чем в США, но их доля в общей численности населения может быть гораздо выше, например, в Канаде – 3,9% против 1,2% в США; при этом в отдельных городах доля китайцев превышает 30–40% (Большой Ванкувер, Ричмонд) [11]. В любом случае состав и положение китайских общин в принимающем обществе в общих чертах сходны с тем, что имеет место в Соединенных Штатах. Для всех развитых стран характерен перманентный рост числа китайских мигрантов, в том числе, как считается, и нелегальных. Быстро увеличивается число мигрантов, обладающих капиталами или высокой квалификацией. В Канаде программа привлечения инвестиционных мигрантов действует настолько успешно, что правительство несколько раз повышало инвестиционный порог, пока он не вырос вдвое – до полумиллиона долларов, а в 2012 г. временно заморозило и её, и Федеральную программу привлечения квалифицированных работников. В том же году Австралия приняла новую Форму отбора квалифицированных мигрантов, предъявляющую к иммигрантам повышенные требования, касающиеся образования, владения языком и опыта работы в бизнесе [10].

Возвышение китайской диаспоры есть производное от усиления Китая – роста его экономической и военной мощи, углубления интеграции во внешний мир. Пекин кровно заинтересован в сотрудничестве с диаспорой и считает своим долгом покровительствовать ей. Эти условия обеспечивают подъём мировой китайской диаспоры и сегодня, и в обозримом будущем.

Примечания

¹ Рост ВВП в 2003–2007 гг. в среднем составлял 6,1%; по прогнозу OECD на 2011–2015 гг. – 6,0% [2]. Экспорт в 2012 г. достиг 1220,7 млрд. долл., увеличившись по сравнению с 2010 г. на 17,0% [7]. Душевой доход в 2012 г. в текущих ценах составил 3747 долл., а с учётом паритета покупательной способности – 5790 долл. [9], в 2008 г. соответственно 2577 долл. и 4726 долл. [8].

² В то же время проистекающая из конфликта экономических интересов дискриминация китайского меньшинства послужила, как считают исследователи, одной из важных причин, в силу которых в странах ЮВА затянута переход к высокопроизводительной индустриальной экономике.

³ Кстати сказать, более 40% из них обладают не китайским гражданством или «зеленой картой» [23].

Литература

1. Впервые получены сравнительно точные цифровые данные о количестве проживающих за рубежом китайцев и китайских эмигрантов // «Жэньминь жибао» онлайн. URL: <http://russian.people.com.cn/31516/7663300.html>

2. Данные OECD для шести основных стран. URL: <http://www.oecd.org/dev/aseancountriesreturningtopre-crisisgrowth.htm>

3. *Лун Давэй, Чжан Хунъюнь, Дэн Гао.* Цун юаньбянь цзоу сян чжулю [Из маргиналов – к мейнстриму]. Хуацяо хуажэнь лиши яньцзю. (Пекин). 2011. № 2.

4. *Лян Инмин.* Дуннань Я хуашан юй цзинци миньцзучжуи (Китайские предприниматели в ЮВА и экономический национализм) // Хуацяо хуажэнь лиши яньцзю. 2008. № 2.

5. Хэ му сян юн, хэцзо гун ин. Гоуцзянь игэ чунмань холи ды хуацяо хуажэнь шэхуй. Цзай ди сы цзюй шицзе хуацяо хуажэнь шэтуань лянни дахуй шан ды баогао (Гармония – сотрудничество с выигрышем для всех. Построим исполненное живой силы сообщество зарубежных китайцев. Доклад на 4-й Всемирной конференции дружбы ассоциаций зарубежных китайцев) (5). URL: http://www.chinaqw.com.cn/news/200707/03/78236_shtml

6. Чжунго тунци няньцзянь (Китайский статистический ежегодник). 2010. Табл. 6–14. URL: <http://www.ststs.gov.cn/tjsj/ndsj/2010/indexce/htm>

7. ASEAN External Trade Statistics. Trade 2011–2012. URL: http://www.asean.org/images/2013/resources/statistics/external_trade/2013/table17.pdf

8. ASEAN Community in Figures. 2009. URL: <http://www.aseansec.org/wp-content/uploads/2013/07/ACIF2009.pdf>

9. ASEAN Statistics. Selected key basic ASEAN indicators. URL: <http://www.asean.org/images/2013/resources/statistics/SKI/table1.pdf>

10. *Cheng Guanjin, Li Xiang*. Chinese continue to seek residency overseas. Chinadaily.com.cn. 22.08.2012. URL: http://www.chinadaily.com.cn/china/2012-08/22/content_15694717.htm
11. "Ethnocultural Portrait of Canada - Data table". 2.statcan.ca. 2010-06-10. <http://www12.statcan.ca/census-recensement/2006/dp-pd/hlt/97-562/pages/page.cfm?Lang=E&Geo=PR&Code=01&Table=2&Data=Count&StartRec=1&Sort=3&Display=All&CSDFilter=5000>. Retrieved 2012-05-02.
<http://www12.statcan.ca/census-recensement/2006/dp-pd/hlt/97-562/pages/page.cfm?Lang=E&Geo=PR&Code=01&Table=2&Data=Count&StartRec=1&Sort=3&Display=All&CSDFilter=5000>
12. *Jonson I.* Wary of Futurer, Professionals leave China in record Numbers // The New York Times. 31.10.2012.
13. *Kwong P.* Chinese Migration goes Global // YaleGlobal online. URL: <http://yaleglobal.yale.edu/display.article?id=9473>
14. *Lee Kuan Yew*. The Loyalty of Overseas Chinese Belongs Overseas // International Herald Tribune. 23.11.1993. URL: <http://www.iht.com/articles/193/11/23/nulee.php>
15. *Lim Linda Y.C.* Southeast Asian Chinese business and regional economic development // Routledge Handbook of the Chinese Diaspora / *Tan Chee-Beng* ed. L., N.Y. 2013.
16. *Li Qi-rong*. Cooperation, Mutual Benefit and Development on Capital of Southeast Asian Overseas Chinese in Change of Sino-Southeast Asia Relationship. URL: [http://www6.cityu.edu.hk/searc/CSEA_Workshop/CSEA_Workshop/PAPER_S/SeptemberSymposium/LiQirong\(Eng_rev\).pdf](http://www6.cityu.edu.hk/searc/CSEA_Workshop/CSEA_Workshop/PAPER_S/SeptemberSymposium/LiQirong(Eng_rev).pdf)
17. *Mckeown A.* Global Migration, 1846–1940 // Journal of World History. 2004. Vol. 15. No. 2
18. *Min Zhou*. The Chinese Diaspora and International Migration // Social Transformations in Chinese Societies 2005. URL: http://www.sscnet.ucla.edu/soc/faculty/Zhou_Chinese_Diaspora.pdf
19. Open Doors Data. International Students: Leading Place of Origin // Institute of International Education. URL: <http://www.iie.org/Research-and-Publications/Open-Doors/Data/International-Students/Leading-Places-of-...>
20. The China Information Technology Handbook / Ed. *P.O. de Pablos, M.D. Lytras*. N.Y.: Springer Science, Business Media. 2009.
21. USA Immigration News. 14.11.2011. Immigration to the U.S. is a Trend of Rich Chinese. URL: http://www.migrationexpert.com/visa/us_immigration_news/2011/nov/0/443/immigration_to...
22. *Wong B.P.* Globalization and location of the Chinese diaspora in the USA // Routledge Handbook of the Chinese Diaspora / *Tan Chee-Beng* ed. L., N.Y. 2013.
23. Более 40% возвращающихся в Китай талантов имеют иностранное гражданство или «зелёную карту» / «Жэньминь жибао» он-лайн. 24.07.2012. URL: <http://russian.people.com.cn/31516/7885368.html>